

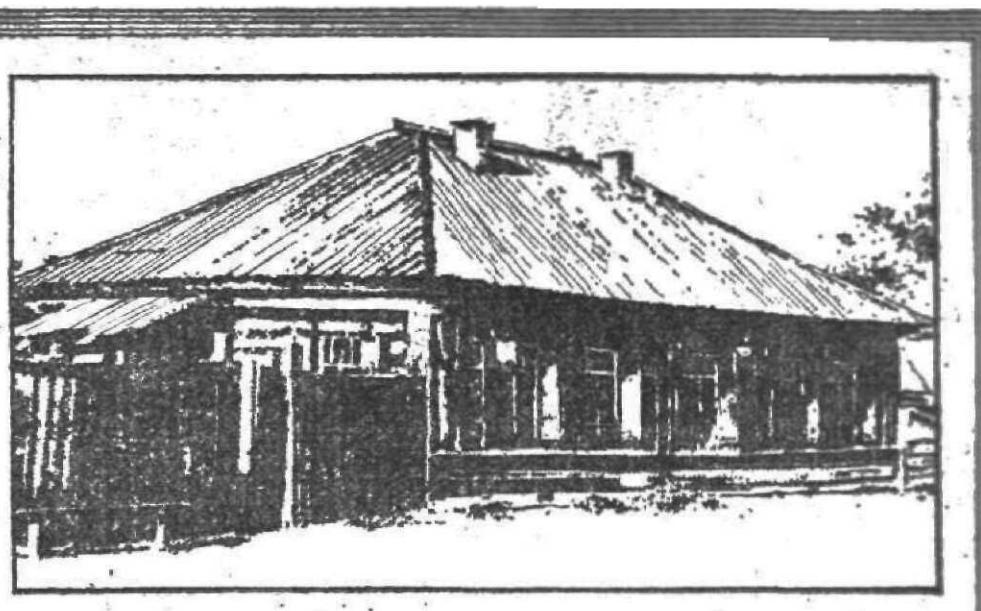
просу обьявить г. Вергунову, что «боях, форм, одобрительных свидетельств и для составления годового отчета по зданию до- машнего учителя не имеется»...

Делаткевич намек понял, 24 октября 1863 г. он начинает «пистрелку» и направляет Вергунову предписание № 197, где мглочно его уличает: «...У Вас нет книг для записи училищного имущества и нет каталога, как должно ведомого, учебным пособиям и книгам». Очевидно, возмущало Делаткевича более всего то, что «все это вместе и неполно, наскоро записано Вами на двух неспищих листах бумаги»... Позднее Делаткевич направит о сём предписании и о реакции Вергунова соответствующее доносение в Томск, где подчеркнет особо и нарочито «два неспищих листа бумаги, которые я сам спшил». За этой малостью он не заметил, что Вергунов раздавал книги из библиотеки не кому-нибудь, а учащимся, но, очевидно, доверяя им, может и излишне, * не всегда записывал их в библиотечные формуляры. Словом, он строго Вергунову наказывает ...собрать для проверки множество учебные книги, розданные Вами учащимся и не оказавшиеся налицо 23 октября, в течение двух недель, считая от 24 октября. в противном случае я донесу о нецелости библиотеки находящейся под Вашим ведением, г. Директору томских училищ».

Вергунова, волею судеб попавшее страницу истории с именем велико-
щества долго овеяно было смутными
и облик Вергунова в описании са-
стоевского рисовался малопривле-
кителен. В письмах своих близкому другу
свидетелю «грозного» чувства
нельзя Достоевский характеризовать
как юношу, у которого «конечно,
добре и плачет он искренне, но,
только и умеет плакать» и при том
Чаеется устраивать свою и ее «Иса-
ака / жизнь».

почему же Достоевский до самого момента с Исаевой в Одигитрии опасается, что «слабый юно»

Какими устными комментариями

ИЗ ЖИЗНИ УЕЗДНОГО УЧИТЕЛЯ ВЕРГУНОВА

«...Уездный учитель остался один со своими стремлениями... Он не хотел преклониться перед проповедниками чванства и роскоши, он не признавал их величия и глубоко оскорбил их этим. Они отвергли его и уничтожили»

/В.В.Берви-Флеровский/

сопровождалось предписание, легко догадаться, ибо рядом с ним - своего рода «декларация» Вергунова: «...В предписании своем от 27 октября, Ваше Высокоблагородие, выразили то, что будто бы, во-первых, я не понимаю и совершенно чужд знаний долга службы и, в особенностях, благопристойности, приличия и вежливости.

Последнее, как видно из Ваших выражений, мне, вывели Вы из того, что когда 27 октября вошли в приходское училище, то я не поклонился Вам, это и был тот факт, на который

рать подомам книги». Ауж 13 ноября /в том же доносе Делаткевича/ в присутствии г, Поникаровского /Фамилия, заслуживаю- щая особого рассказа/. Арт. Делаткевич, окончательно Вергунова допек очевидно, ибо тот, по словам жалующегося Делаткевича, заявил: «Да, у меня нет каталога, нет многих книг и прописей, жалуйтесь, как хотели, г-ну Директору томских училищ, я сумею паль отчет в своих действиях».

ареста и предложения фактической ссылки в Нарым /и всего-то из-за дурного состояния библиотеки?!/ приведем сокращение другого документа из Томского архива. В начале 1855 г. учитель Кузнецкого училища Серафим Попов нашел жестокое побои штатному смотрителю училища /тот же пост, что и у Делатекевича/ Николею Ананьеву. «Побоище» было не только жестоким, но и многокровным. Одежда избитого, равно и самого Попова, так же как и место происшествия, несли ожоги и слепни из крови. 30 июня 1855 года по ходатайству томского гражданского губернатора губернский суд, выслушав множество аргументов за и против вины Попова, постановил отстранить его от работы учителя, но никак не наказав за недостаточностью улик, и лишь «оставив под подозрением». Заметим, что дело Попова завершилось через 4 года восстановлением его в должности учителя, правда, по специальному императорскому благоволению в ответ на прошение Попова. Дело Вергунова, если исходить только из видимых причин /библиотека, недостача книг и пр./, разворачивалось с искажениями для российского делопроизводства быстрой: в течение года все было кончено. Так ли уж быстро разрешились бы события, не подвернувшись какая-то неведомая нам, но известная главному инспектору училищ экстра-причина? И еще: если допустить верность нашей догадки, тогда объяснимо отсутствие в названном деле Вергунова каких-либо документов в период между январем и августом 1864 г. «Особая причина», очевидно, должна была найти отражение в каком-то особом, возможно, «закрытом» деле, поскольку затрагивала интересы начальствующих инстанций: проглядели приступок полченческого

...А Мария Дмитриевна Исаева доживает свои последние месяцы и, стало быть, в 1863 году в начале 1864 года Вертунова около нее не было.

около нее не было.
В «документальной уездной драме» - тоже
же затишье.

Но **16 августа 1864** года неусыпный Де
латкевич сообщает в рапорте директору
томских училищ за номером 155, что «учи-
тель Семипалатинского приходского учи-
лища Вергунов по причинам, известным г-
ну Главному Инспектору училищ Западной
Сибири /Подчеркнуто мною. - Авт./, от-
странен мною от должности учителя Семи-
палатинского приходского училища и под-
вергнут, по приказанию Его Превосходи-
тельства, семидневному домашнему аре-
сту», в связи с чем Делаткевич просит на-
значить на место Вергунова другого учите-
ля.

Итак, семидневный домашний арест. За отсутствие каталога в библиотеке? За неподобострастие - не поклонился первым при встрече?

Но может, иное - отлучка? «Самоволка», о которой не пишут, потому что сами ведь не доглядели? Во всяком случае, существуют «причины, известные г-ну Главному Инспектору», которые расшифровке не подверглись.

Но 15 апреля 1864 года умирает Исаев. Так, может, если между ней и Вергуновым существовала переписка /вспомнил, завещанный ларчик с письмами из «сочного мужа» Достоевского. - Авт./, она могла Вергунова и позвать. А он мог, при его склоне к характеру Ля не полицейский... , «склониться» на меня, как хотела...», <Законам Российской Империи не дают право оскорблять подчиненных... / на зов ответить немедленно. Орест, эпизод 2.

Тем не менее был некий проступок, ис-
кая причина, по своим масштабам из-много
превосходящая отсутствие каталога в библио-
теке или «растрачивание» бумаг учени-
мися. Поскольку 9 сентября 1864 г. главный
инспектор училищ Западной Сибири на-
правляет директору училищ Томской губер-
нику документ за № 407, в котором сооб-
щает, что директор смещать учителей име-
ет полное право, согласно уставу учебных
заведений от 1828 г., а потому можно бы н-

ского учителя, а - домашнего, ибо хватит и восьмилетней выслуги

уже, что заявление Вергунова по-
дetonатором непонятной по силе
провинциальных чиновничих
которая в течение всего лишь по-
погребла карьеру незадачливого
Первая реакция последовала 19
того же года. Господин директор
чилищ особых симпатий к Вергу-
нину, не питает /с добром ли
Кузнецка, не тянется ли некий не-
никем, но смущивший местных
шлейф?/ и сообщает штатному
семипалатинских училищ Де-
лу, что не видит оснований для при-
чина Вергунову, поскольку «чтобы
ему первый классныйчин, он дол-
жить в этом звании согласно 788
СЛ. Законов гражд. изд. 1857 года -
для получения звания домашнего
10 лет. Но главное не это. Оно,
читается меж строк - Вергунов от-
куевичу «на милость»: «А также

разрешилась «бесследственно», если не считать такую малость, - он всего лишь утратил свою большую любовь...

Не то было с Делаткевичем. Что видно из последующего документа от 22 декабря, представляющего собой мстительный донос «по инстанциям», в котором доложено, что Вергунов «не только не принял моих предписаний к руководству и исполнению, но и уверен, что я не имею права делать ему уместные замечания и давать полезные советы». И уж совсем смехотворная «ловля блох» в поведении строптивого Вергунова: «г. Вергунов... упомянул, что я посетил училище 27 октября, а я был в приходском училище не в воскресенье, а в субботу, 26 октября. Этой опрометчивостью г. Вергунов ясно доказывает... что он точно также небрежно исполняет свою обязанность». Но возмутительнее всего показалось Делаткевичу, что «23 октября в начале 12 часа, прия в училище, застал г. Вергунова в охотничьем платье и на пороге», к тому же на его реприманды Вергунов ответил: «Я не полицейский, мне некогда бегать и соби -

жнуто нами. - Авт./ может быть перемещен на службу в г. Нарым, если найдете это нужным. Главный Инспектор училищ А. Попов». Стало быть, тот, кто знает причины смещения Вергунова. И, стало быть, в Нарым. Место ссылки. «В виде исправления». Какова, какова же истинная причина?

19 сентября все дело закончено: уволен Вергунов • назначен Еремеев.

Наверное, таких драматических коллизий на Руси было куда как немало. Нас же интересует столь пристально именно история Вергунова, поскольку он так тесно связан с «кузнецким периодом» Достоевского и так болезненно и надолго запечатлелся в памяти писателя, что нашел отражение во многих его произведениях,

Для сопоставления, в оправдание весьма робкой догадки, что возникает при упоминании о неких ПРИЧИНАХ устранения Вергунова от должности, его домашнего

жилищ отоссыпал к документу, датированному 22 декабря еще 1863 г., в котором директор томских училищ рапортует, что Делаткевич непрестанно жалуется на учителя Вергунова, добавляя: «Правда, г. Делаткевич большой охотник до бумажного дела, о чем я должен был уже сделать замечание, несмотря на то, что при таких взаимных отношениях смотрителя и Вергунова им служить вместе нельзя», если бы эти соображения были бы приняты во внимание высоким начальством ранее...

Возможно, изложенная выше история, попадись в фокус внимания Ф.М.Достоевского, добавила бы еще строку о судьбах «униженных и оскорбленных» в банк его творчества, а может, и жгучее сомнение - не явился ли его, Достоевского, «кузнецкий праздник» вехой, смеившей жизненный путь учителя Вергунова с проторенной, ходя и робкой, но надежной колеи...

/Прившие выше документы Томского архива
представлены В.Тогулевым/.

Мэри КУШНИКОВА,
Вячеслав ТОГУЛЕВ.

На снимке: дом М.Д.Маковской /жены
Ф.М.Достоевского/ в Нижнем Новгороде